

ТЕМА ПОБЕДЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На всем пространстве средневековой русской литературы, начиная со «Слова о Законе и Благодати» (Илариона, первого русского митрополита, перв. пол. XI в.) и «Повести временных лет» (XI-XII вв.), тема борьбы мирового Добра и Зла и духовной победы добра над злом сочетается с темой защиты Русской Земли, военной победы над ее недругами. В программном «Слове» – похвале князьям Владимиру и Ярославу, строителям новой христианской Руси, вошедшей отныне в мировую семью христианских народов, Иларион славит «великого кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже вь своа лета владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша вь странахъ многах, и победами и крепостию поминаются ныне и словуть» [1]. Тут же автор «Слова» возглашает: «Христос победи! Христос одоле! Христос вьцарися!», а в написанном им «Исповедании веры» Иларион, следуя средневековому представлению о Христе как Царе Царей, говорит о нем: «...Яко победитель Христос, царь мой...» [2]. Составители «Повести временных лет», литературно-исторической эпопеи ранней Руси, нередко использовали лексемы «победа», «победить», рассказывая о деяниях старых князей, но, начиная с Владимира и Ярослава, вводили эти слова в контекст христианской победы над сатанинскими силами Зла. Так, в статье 988 года о крещении Руси князь Владимир говорит: «Призри на новыя своя,... мне помози, Господи, на супротивного врага, да надеюся на тя и на твою державу, побежаю козни его» [3]. В похвале духовному строительству Ярослава под 1037 год автор «Повести временных лет» замечает: «И радовашеся Ярослав, видя многи церкви и люди крестьянныи зело, а врагь сетоваше, побежаемь новыми людьми крестьянныими» [4].

Не случайно и Иларион в своем «Слове», и составители «Повести временных лет» сравнивали князя Владимира с Константином Великим, первым христианским императором Рима: «Подобниче великааго Константина, равноумне, равнохристолюбче...» [5]; «Се есть новы Костянтинъ великааго Рима, иже крести вся люди своа самъ, и тако сий створи подобно ему» [6]. Современник Константина первый историк христианской церкви епископ Кесарии Евсевий Памфил (IV в.) в своей «Жизни блаженного василевса Константина» подробно описывает обстоятельства победы над язычником Максенцием (312 г.), принятия Константином христианства как официальной религии Римской империи, чудесного знамения и видения лабарума со словами «Сим победиши» – креста с монограммой Христа: «Явившееся знамение – символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью, которую одержал Он, когда приходил на землю» [7]. Здесь нужно видеть истоки темы христианской победы в средневековой русской литературе и культуре.

Ведущий русский медиевист XX века академик А.С.Орлов в своей монографии 1945 года «Героические темы древней русской литературы» писал: «Влияние церковных памятников на все виды европейской литературы средневековья было настолько сильно, что его не приходится игнорировать. В «светской» письменности оно сказывалось, начиная от языка и поэтики и кончая идеологическим осмыслением изображаемого. Это церковное воздействие на светское повествование началось еще в византийской литературе и, благодаря церковному авторитету Византии для Руси, отразилось в нашей «светской» книжности... Средневековое русское повествование полно героическими сюжетами в обоих своих руслах – в церковном и светском, такими

сюжетами, в которых деяния изображаются как труд и подвиг, направленные к общему благу народа, согласно пониманию его в феодальную эпоху жизни государства» [8]. Сразу стоит сказать, что ярче всего героический мотив победы в древнерусской литературе и культуре нашел отражение в эпоху Владимирской Руси XII века, в княжение Андрея Боголюбского. Тогда в 1164-1165 гг. была сделана попытка установления церковно-государственного праздника Победы по следам победоносного похода на волжскую Болгарию. Одновременно этот праздник, 1 августа, был посвящен Спасу и Богородице, а также Кресту (Происхождение Честного и Животворящего Древа Креста Господня). Праздник был установлен в воспоминание о крещении Руси князем Владимиром Святославичем. Лично Андреем Боголюбским было составлено особое «Установление» о введении нового церковно- и военно-государственного праздника, его книжниками написаны «Сказание о победе над волжскими болгарами и празднике 1 августа Спаса и Богородицы», «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», а также «Житие» Леонтия Ростовского как новых покровителей Владимирской державы Андрея Боголюбского [9]. В произведениях речь идет о победе одновременно Андрея Боголюбского над волжскими болгарами и византийского императора Мануила Комнина над сарацинами при помощи икон Богородицы, Спаса и Креста, которые носили перед войсками. Сам праздник 1 августа следовал традиции византийского императорского праздника, римского военно-политического календаря, со времен Константина, включавшего тему «победного Креста»: «Победоносный явился пресвятой Крест живодавца Христа съвыше бесомь въсе множество отгоняя варварское шатание и победителя являя царя наша» [10]. Сохранились выносные двусторонние иконы Владимирской Богородицы и Спаса Нерукотворного XII века, на обороте которых изображение Креста, причем на обороте иконы Спаса Нерукотворного – композиция «Никитирион» –

«Поклонение победному Кресту». Несомненно также, что на литературные тексты Владимирской Руси 60-х гг. XII в. повлияло переводное византийское по происхождению «Сказание о явлении Честного Креста и о Победе», сохранившееся в древнерусской рукописной традиции второй редакции русского Пролога, появившейся в XII веке [11]. Сказание это, безусловно, создано в Византии в связи с военно- и церковно-государственной традицией IV века, времени Константина Великого, истоков государственного христианства. Этой же традиции пытался следовать в середине XII века на Руси князь Андрей Боголюбский. Даже краткая начальная редакция «Жития Леонтия Ростовского» [12], созданная владимирскими книжниками князя Андрея (возможно, при его участии), включает в качестве центрального эпизода победы епископа Леонтия и клира Ростовского Успенского собора над местными язычниками. Как рассказывает «Житие», они угрожали убить епископа и выступили против него с камением и дрекольем. Но Леонтий не растерялся, собрал клир собора и в полном облачении, с крестами, иконами, хоругвями, всеми атрибутами Силы Божией, выступил против беснующихся язычников и одержал победу – язычники пали замертво при виде Крестного воинства. Затем епископ Леонтий их воскрешает к новой христианской жизни.

Неудача с введением военно- и церковно-государственного праздника Победы 1 августа в эпоху Андрея Боголюбского была отчасти связана с резкой запретительной реакцией византийского патриарха Луки Хризверга [13], частично – с поражением войск Андрея Боголюбского под стенами Новгорода в 1170 году. Убийственным для престижа Владимирской Руси и ее князя было то, что победа новгородцев была мотивирована заступничеством иконы Богородицы Знаменье (так стали отныне называть эту чудотворную выносную двустороннюю сохранившуюся донныне прославленную икону). Сказание об этой иконе (краткое летописное конца XII века и пространное

– как часть пространного «Жития архиепископа Иоанна» XV в.) рассказывает, что стрела суздальцев попала, поранив лицо Богородицы на иконе, – Богородица расплакалась и наказала нечестивых суздальцев, принеся им поражение. Пострадал не только военный, но и духовный престиж Андрея Боголюбского, что вкупе с иными причинами вскоре привело его к краху. И если победные мотивы в текстах Владимирской Руси XII в. о Владимирской иконе Богородицы привели к появлению новой темы ее победы в московской повести XV века о Темир-Аксаке (иконе приписано спасение Москвы от Тамерлана), то победные мотивы кратких сказаний о чуде иконы Богородицы Знаменье XII в. сделали новые новгородские версии XV в. сказаний об этой иконе (в частности в «Житии архиепископа Иоанна») знаменем сопротивления силе Москвы (для новгородцев это были по-прежнему суздальцы) [14].

Мотив христианской победы в первом русском святительском житии Леонтия Ростовского, начальная краткая редакция которого возникла в 60-е гг. XII в., в качестве образца и предшественника восходит к тексту Несторова «Жития Феодосия Печерского» конца XI-начала XII вв. Своеобразный поединок отрока Феодосия, ментальность и устремления которого совпадают с евангельским принципом «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18. 36), с матерью, воплощающей страстное, земное начало – символическое столкновение, противоборство христианства и язычества, – заканчивается победой Феодосия, христианского начала: мать из любви к сыну уступает, принимает христианство и поселяется в ближайшем к Феодосиевым пещерам женском монастыре. Кстати, в текстах жития Леонтия Ростовского, жития Феодосия Печерского присутствуют многие эпизоды прямых текстовых влияний. Жития Борисоглебского цикла XI-начала XII утверждают духовную победу христиан-страстотерпцев св. братьев Бориса и Глеба над окаянными братоубийцей Святополком. Впервые в русской литературе тема военной победы как Божьего

Суда звучит в финале «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», принадлежащей перу древнерусского писателя Василия и включенной им в Мономахову редакцию «Повести временных лет» под 1097 г. Речь идет об эпизоде битвы на Рожни, где встретились на поле войска невинно пострадавшего князя Василька, его брата Володаря Ростиславичей и злодея крестопреступника Святополка. Ведущей, как и в повести в целом, выступает тема Креста: начинается произведение сценой клятвы князей на кресте в символическом по названию городке Любече, клятвы в любви, мире и согласии, которая вскоре нарушается Святополком и Давидом, заманивающим и ослепляющим теребовльского князя Василька Ростиславича. Лейтмотив Креста (противопоставленный образу-символу ножа как олицетворения Зла), пройдя через всю повесть, звучит и в финальном эпизоде развязки, где Василько поднимает крест: «И меж нами буди хрестъ сий честный» [15] – да рассудит нас Крест. Происходит Суд-битва, в ходе которой автор говорит о чуде – видении Креста над битвой: «И поидоша обои противу себе к боеви, и съступишася полци, и мнози человеци благовернии видеша крестъ на Василковыми вои узвышьясь вельми». Знамение свыше предрекает победу Васильку и поражение крестопреступнику Святополку, что и происходит затем: «Брани же велице бывши и многымъ падающим от обою полку, виде Святополкъ, яко люта брань, и побеже, и прибеже к Володимерю. И Володаръ же и Василко, победивша, ста ста ту». Как и впоследствии в текстах времени Андрея Боголюбского середины XII века, мотив военной победы в повести о Васильке сочетается со знаменем креста, восходя с точки зрения традиции, в том числе литературной, к византийскому «Сказанию о явлении Честного Креста и о победе силы Божия». Мотив военной победы, как некогда в сюжете IV в. о Константине Великом, соединяется органично с мотивом победы христианской, в «Повести о Васильке» они трансформируются в классический, уже чисто литературный

мотив преступления и наказания, столь хорошо впоследствии известный по роману Ф.М. Достоевского. Здесь, на рубежах XI-XII веков, – истоки русской литературы, ее возникновение и формирование, а мотив победы принял в этом процессе самое непосредственное и весьма важное участие.

Следы фольклорно-эпического влияния в древнерусской книжности, связанные с образом героя-единоборца, появились впервые в «Повести временных лет» в текстах конца XI – начала XII вв., в частности, в рассказе о Святославе Игоревиче (один из эпизодов мести княгини Ольги), который еще малым отроком символически начинает битву, метнув копье в сторону неприятеля. В первой половине XII века рассказы южно-русского летописания изображают подвиги храбрости князя Андрея Юрьевича как бесстрашного героя – «храбра», устремляющегося на врага, презирая опасность. Автор явно любит смелость своего героя, его безоглядную отвагой. Под стенами Луцка один, оторвавшись от своей дружины, князь Андрей неистово преследует противника до самых стен города, где едва не погибает, окруженный врагами. Его выручает верный боевой конь, спасает, по словам автора, святой Федор. Образ князя Андрея и его дерзость напоминают героя древнего эпоса [16]. Мотив, который исследователи средневековой литературы и эпоса обозначают термином *quest*, связан с темой героического поведения и победы и характерен в целом для литературы Руси XII века, в том числе «Слова о полку Игореве». Вопреки печальной реальности трагического исхода похода Игоря Святославича в степь, поэма рисует в финале апофеоз героя и его триумфального эпического возвращения в Русскую землю, в эпический Киев – «страны рады, грады веселы, ... Игорь едет по Боричеву к святей Богородице Пирогошей, ... девицы поют на Дунае, голоси их выются через море до Киева». Текст «Слова» заканчивается здравицей в честь князей и дружины: «Здрави князи и дружина, побара за христианы на поганья полкы».

Эпическая тема славы и победы явственно переплетается, сочетается с темой христианской победы. Уже к XII – началу XIII века относится формирование легенды о Мономахе, эпико-героического образа князя Владимира Мономаха – победителя половцев, которым «половцы детей страшаху в колыбели», по словам, в частности, «Слова о погибели Русской земли» первой половины XIII века. Безусловно, как это отмечает и ведущий специалист по русскому героическому эпосу-былинам В.П. Аникин, а также Д.С. Лихачев [17], к XII-началу XIII вв. относится формирование основных циклов русского героического эпоса, в центре которых эпические образы Киева и князя Владимира, победы героев Добрыни, Ильи Муромца и других над врагами Руси. Следы взаимодействия с народно-эпическими жанрами прослеживаются в текстах древнерусской литературы на воинскую тему на широком пространстве XII-XVI вв. Порой, даже если герои погибают, они одерживают духовную победу, как подчеркивает, например, «Повесть о разорении Батыем Рязани» и вообще повести о монголо-татарском нашествии XIII века или, например, «Житие князя Михаила Черниговского», убитого в Орде.

Произведения литературы Владимирской Руси XII-XIII вв. чаще других включают мотив победы, среди них выделяется «Житие Александра Невского», написанное в конце XIII века. Рисуя идеальный образ князя-победителя, автор отталкивается от образов библейской и римской древности, в частности: «Сила же бе его – часть от силы Самсоня, и даль бе ему Бог премудрость Соломоню, храборство же его – аки царя римского Еуспасиана, иже пленить всю землю Иудейскую... Тако же и князь Александръ – побежая, а не победимъ» [18]. Эпизод текста о римском императоре Веспасиане, как о нем принято говорить, «солдатском императоре», включает героико-эпический мотив воина-единоборца: «Инегде исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, победиша плъкъ его. И остана единъ, и

възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ и посмеяся дружине своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». К теме гибели римского войска автор возвращается в эпизоде битвы на Неве: «И опять сеча велика над Римляны, и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице (Александр) острымъ своимъ копиемъ».

Житие Александра Невского не случайно считают житием нового поколения: в отличие от образов героев-единоборцев, отмеченных выше Веспасина и князя Андрея Юрьевича, автор конца XIII в. отнюдь не изображает князя Александра «одним в поле воином», он окружает его чудесными воинами-помощниками. Здесь усматривается иное, не архаическое, но также фольклорно-эпическое влияние (мотив волшебных помощников). Опять же народно-эпическое начало сплетается в тексте со средневеково-книжно-христианским: победа на Неве одержана в «Житии» благодаря чудесной помощи святых «родичей», небесных заступников Руси князей Бориса и Глеба, но также и участников битвы, из числа которых автор рисует героические образы шести «храбров», описывает их реальные воинские подвиги. Персонажи видения святые князя Борис и Глеб изъявляют желание помочь Александру Ярославичу одержать победу над супротивником («Рече Борисъ: «Брате Глебе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру»), как бы предопределяя победный исход грядущей битвы. Из числа вполне реальных дружинников, вместе с тем чудесных помощников князя Александра, названы в «Житии» шесть мужей: Гаврило Олексич, Сбыслав Якунович, новгородец, Яков полочанин, новгородец Миша, Савва и Ратмер, кратко охарактеризованы их воинские деяния, приведшие Александра к победе. В отличие от архаической эпикки рассказов о героях-единоборцах в «Житии» налицо черты исторической эпикки, не архаическая эпика богатырской сказки, а героическая эпика новой христианско-средневековой исторической эпохи. В «Житии» она осмысливается как

чудеса, в особенности в эпизоде битвы на Чудском озере, где некто «видех полкъ Божий на въздусе, пришедши на помощь Александрови; а тако победи я помощью Божиею». Мотив победы неоднократно звучит в эпизодах «Жития»: «Князь же Александръ возвратися с победою, хваля и славя имя своего Творца»; «По победе Александрове, яко же победи короля»; «И возвратися князь Александръ с победою славною, и бѣше множество полоненных в полку его».

Разумеется, мотив победы с помощью небесных сил, ангелов встречается и в текстах XII века, как, например, в текстах 1103 и 1111 годов в составе «Повести временных лет» о победах соединенных русских дружин во главе с Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем над половцами: «И падаху половци предъ полкомъ Володимировымъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю» [19]. Конечно, в воинских текстах с XII до XVI вв. особо подчеркивается победное возвращение героя или героев, войск. Именно мотив возвращения почти всегда эпически мотивирован (начиная с «Повести о Васильке Ростиславиче», «Слова о полку Игореве»). А.С. Орлов отмечает, что «кроме воздействия книжных источников, в «Казанской истории» (XVI в.) ощущается присутствие русской устной поэзии; так, читая живописное изображение победоносного въезда Ивана Васильевича в Москву, невольно вспомнишь старину о Чуриле, как пышно он въезжает в Киев и как женщины заглядываются на его походочку щাপливую; «Казанская история» сама оказалась затем источником устной песни о взятии Казани» [20].

А.С. Орлов, Д.С. Лихачев, В.В. Кусков, другие ученые разрабатывали отмеченную тему на материале древнерусских текстовых циклов: Куликовского, Александро-Невского, Казанского, масштаб ее представляется почти всеобъемлющим в целом для всей древнерусской литературы и книжности. Далекое не всегда тема победы в древнерусской литературе соотносилась только с военными сюжета-

ми, вместе с тем это и духовная победа героя или героев. Так, победа над бесами, над греховной частью человеческого естества – основной мотив рассказов-новелл «Киево-Печерского Патерики» начала XIII века, привлекавших в свое время внимание А.С. Пушкина. Мотив христианской победы пронизывает тексты сказаний о чудотворных иконах, например, Владимирской, Смоленской, Тихвинской, Знаменье и других текстовых повествовательных циклов [21]. В житийной литературе мотив христианской победы всегда был ведущим, влияя на

весь состав не только древнерусской, но новой и новейшей русской литературы. Мотив победы отнюдь не возникает впервые в отечественной литературе, скажем, XX века или даже XVIII-XIX вв., он всегда с истоков русской литературы был и остается одним из важнейших составляющих ее динамической поэтики. Тема победы сформировала значительный массив древнерусской литературы от истоков до рубежей нового времени, который оказал серьезное влияние на развитие национального самосознания России нового и новейшего времени [22].

Примечания

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1, XI-XII вв. / Ред. Д.С. Дихачев, Л.А. Дмитриев, А.А. Алексеев, Н.В. Поньрко. Спб., 1997. С.42; См.: Розов Н.Н. Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI – первая половина XVI вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев Л., 1987. С. 198-206.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. С. 60; См.: Святитель Николай Сербский. Азбука победы М., 2004.
3. Там же. С. 162; См.: Творогов О.В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси- XI-первая половина XIV вв. С. 337-343.
4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. С. 194.
5. Там же. С. 43.
6. Там же. С. 174.
7. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 45.
8. Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 3.
9. См.: Филипповский Г.Ю. 1. Андрей Юрьевич Боголюбский. 2. Житие Леонтия Ростовского. 3. Сказание о победе над волжскими болгарями 1164 года и празднике 1 августа // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI-первая половина XIV вв. С. 37-39; 159-151; 411-412.
10. РО РГБ. Ф. 31. Собр. Ундольского. № 85. Минея XV в. Лл. 1-9; См.: Филипповский Г.Ю. "Слово" Андрея Боголюбского о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль. 1983. С. 75-84.
11. См.: Филипповский Г.Ю. "Слово" Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. // Культура славян и Русь. Сборник статей к 90-летию акад. Б.А. Рыбакова. М., 1998. С. 230-237.
12. Житие Леонтия Ростовского / Подг. текста Г.Ю. Филипповского // Древнерусские предания / Сост. В.В. Кусков М., 1982. С.127-129.
13. См.: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом / Из истории русско-византийских отношений XII века // Византийский Временник. Т. XXI. 1952. С. 29-50.
14. Словарь книжников. Т.1. См.: Творогов О.В. Иоанн. С. 208-210; Жучкова И.Л. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери. С. 415-418.
15. Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. С. 282 (и следующие цитаты здесь же).
16. См.: Воронин Н.Н. Существовал ли «Летописец Андрея Боголюбского»? // Памятники истории и культуры Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 28-43; см. также: Филипповский Г.Ю. Мотив движения в "Слове о полку Игореве" и литературе Руси XII века // Исследования "Слова о полку Игореве" / Ред. Д.С. Лихачев. Л., 1986. С. 58-64.
17. См.: Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. М., 1983, С. 218-220; Лихачев Д.С. Русское народное поэтическое творчество. Т. I. М.; Л., 1953. С. 217-247.
18. Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М., 1981. С. 426-439. Далее "Житие Александра Невского" цитируется по данному изданию.
19. Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. С. 300.
20. Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. С. 116.
21. См.: Гребенюк В.П. Принятие христианства и эволюция героико-патриотического сознания в русской литературе XI-XII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 3-15; См. в этом же сборнике: Вагнер Г.К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII веков. С. 16-23; Черная Л.А. О христианском открытии человека в русской литературе XI-XIII вв. С. 24-32; Нечаева Т.В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах. С. 102-123.

22. См.: Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945; О воинских повестях Руси: Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник / Ред. В.В. Кусков. М., 1994. С. 123-124.